

Т В О Р И Т М И М

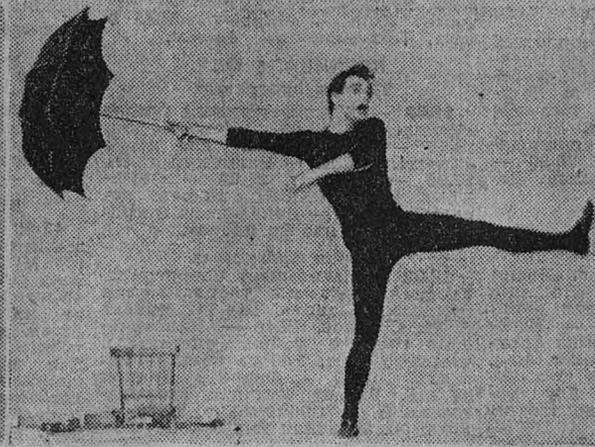
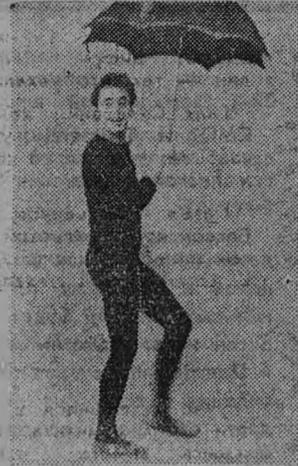
Веселое искусство

БУГРОВ боролся. Тянул канат на себя рывком и постепенно. Кожаные подошвы тапочек искали опоры в гладких досках сцены, мускулы напрягались до предела, лицо кривилось от натуги, и на губах держалась смущенная и виноватая улыбка — ну, не может... Простите, не может перетянуть — и все.

Зрители тряслись от смеха. Вихрастый парнишка на третьем ряду подпрыгивал от восторга, кричал что-то по-сербски и с размаху хлопал себя ладонью по колену. А когда воображаемый канат, поколебавшись немного, уверенно двинулся за кулисы и Бугров улетел туда, обернувшись на прощанье к зрителям изумленное и растерянное лицо, — зал оглушительно зааплодировал.

В антракте несколько зрителей, ошибочно принявших мима за фокусника, пришли за кулисы и просили показать невидимый канат.

Это происходило в Югославии, в Белграде, где свердловский учитель черчения Евгений Бугров выступал в составе эстрадного коллектива Дома

культуры железнодорожников под управлением В. И. Турченко.

Бугров увлекается пантомимой более пяти лет. Работая в Дегтярске, организовал при ДOME культуры кружок, подобрал способных ребят, разучивали миниатюры. И не раз случайно забредшие в клуб жители города с удивлением следили за странными действиями

нескольких молодых парней — те шагали по паркету, странно выворачивая ноги, «садились» прямо на воздух, закинув но-

гу на ногу, и ловили воображаемых кур.

Однажды коридорная в гостинице перепугалась и позвонила администратору; увидела в открытую дверь, как Бугров перед зеркалом надевал невидимую рубашку и повязывал невидимый галстук. Причем, на лице его были написаны полная безмятежность и довольство собой.

Самодеятельному артисту свойственны постоянная тренировка движений, постоянное обдумывание каждого шага на

сцене. И сколько вариантов придется перебрать и отбросить, пока не будет достигнута наибольшая лаконичность и выразительность. Ведь пантомима — это такой жанр, где каждый лишний штрих уносит значительную долю успеха, рассеивает внимание зрителя. Иногда вновь введенный элемент, на первый взгляд удачный, разваливает всю миниатюру согласно какому-то внутреннему закону совокупности движений. А иногда — наоборот. Сценка заискрится,

заиграет. Так, введение маленького эпизода с толстой книгой обновило старую сценку «Сон больного перед операцией». В этой сценке хирург, уже занесший над больным огромный скальпель, вдруг останавливается, чешет затылок, откладывает нож и лезет на шкаф за толстым медицинским томом. Понимаете — забыл, как это делается!

А вот игра света в миниатюре «Судьба американца во Вьетнаме». Посредством двух прожекторов достигается большое

количество теней на заднике сцены. Тени маршируют в ногу с артистом, браво вскидывают руку и козырьку, придерживают автомат у плеча. А потом принимают форму крестов. Множество крестов по белому полю...

Растет опыт, мастерство, расширяется кругозор молодого мима... Евгений Бугров руководит сейчас школой пантомимы при клубе «Эврика» УПИ. Готовит новые миниатюры, думает над большими полотнонами. Иногда среди разговора вдруг умолкает, сосредоточится, очертит что-то в воздухе рукой, похлопает по плечу кого-то воображаемого или невидимым шарфом обмотает горло. Непосвященный рот раскроеет, а те, кто в курсе дела, — понимают: мим творит.

А. МЕЛЕНИН.

НА СМЕТЬ
г. Свердловск

30 АПР 1967